

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова

УДК 297(=512.122)“18/19”:39

На правах рукописи

МУСТАФИНА РАУШАН МУХАМЕДЖАНОВНА

**Бытовой ислам у казахов
(XIX–XX вв.)**

(Историко-этнографическое исследование)

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Республика Казахстан
Алматы, 2006

Содержание

Обозначения и сокращения	4
Введение	6
1 Ислам в Казахстане	22
1.1 Распространение ислама на территории Казахстана.....	22
1.2 Ислам в Казахстане в XIX в.....	30
1.3 Религиозные обряды, совершавшиеся казахами в семейном быту в XIX веке	34
1.4 Мусульманское духовенство и религиозные организации в XIX в.....	45
1.4.1 Мектебы.....	45
1.4.2 Медресе.....	48
1.4.3 Мечети.....	51
1.4.4 Духовенство.....	54
1.5 Ислам в Казахстане в советский период.....	58
1.6 Ислам в Казахстане в постсоветский период.....	64
1.6.1 Соблюдение современными казахами мусульманских обязанностей и обрядности.....	64
1.6.2 Мусульманское духовенство и религиозные организации.....	90
2 Суфизм в Казахстане	118
2.1 Философские концепции суфизма в престоном исламе.....	121
2.2 Распространение суфизма в Казахстане. Суфизм – ишанизм, дервишизм.....	124
2.2.1 Суфийские организации и авторитеты на территории Казахстана.....	126
2.3 Формы проявлений суфизма в наши дни.....	134
3 Культ святых у казахов	143
3.1 Святые, образы которых связаны с официальной исламской традицией.....	145
3.2 Святые, образы которых связаны с суфийской традицией.....	151
3.3 Святые-родоначальники казахских племен.....	162
3.4 Святые-покровители местностей.....	169
3.5 Святые, образы которых хранят черты доисламского культа природы..	170
3.6 Святые-покровители профессиональных занятий.....	175
3.7 Обряд почитания святынь.....	176
4 Реликты доисламских представлений у казахов	194
4.1 Реликты представлений и обрядности, связанные с сельскохозяйственной деятельностью.....	196
4.1.1 Святые-покровители земледелия и земледельцев.....	196
4.1.2 Наурыз.....	197
4.1.3 Тасаттык.....	203
4.2 Реликты демонологии, шаманства и некоторых синкретических религиозных форм.....	210
4.2.1. Демонологические представления.....	210
4.2.2. Шаманство.....	214
4.2.3. Дуана.....	228

4.2.4. Некоторые реликты домусульманской целительной практики.....	233
5 Реликты доисламских традиций в семейно-бытовой обрядности.....	242
5.1 Обряд «возлияния масла в огонь» («отқа май құю»).....	242
5.2 Обряды детского цикла.....	245
5.2.1 Обряд «бесікке салу» («укладывания новорожденного в колыбель»).....	246
5.2.2 Детские охранные обряды.....	249
5.2.3 Детские целительные обряды.....	253
5.2.4 Обряд «қырқынан шығару» («сорокадневия»).....	256
5.2.5 Обряды, связанные с образом собаки.....	258
5.3 Некоторые семейно-бытовые обряды и обычаи, связанные с доисламскими воззрениями.....	262
Заключение.....	272
Список использованных источников.....	280
Приложение А. Список информаторов	304
Приложение Б. Иллюстрации.....	310I- XII

Обозначение и сокращения

БСАГУ	Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. Ташкент.
ВАН	Вестник Академии наук.
ВОУО	Вестник Оренбургского учебного округа. Оренбург.
ДИ	Декоративное искусство. М.
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения. СПб.
ЖС	Живая старина. Пг.
ЗЗСОИРГО	Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Омск.
ЗООРГО	Записки Оренбургского отделения Русского географического Общества. Оренбург.
ЗРГО	Записки Русского географического общества. СПб.
ЗСОИИК	Записки Семипалатинского отделения общества изучения Казахстана. Семипалатинск.
ИАН	Известия Академии наук.
ИВАН	Институт востоковедения АН СССР (РАН).
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л. СПб.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИОАИЭ	Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
ИСАГО	Известия среднеазиатского географического общества. Ташкент.
КИСИ	Казахстанский Институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Алматы.
КСГ	Киргизская степная газета.
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.–Л.; М.
КСЭ	Казахская советская энциклопедия. Алматы.
МАЭ	Музей антропологии и этнографии АН СССР. СПб.; М.–Л.
МИКК	Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.
МИКХ	Материалы по истории казахских ханств. Алматы.
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.–Л.
МСТК	Материалы для статистики Туркестанского края. СПб.
ОЛ	Оренбургский листок. Оренбург.
ПЗКЛАИ	Протоколы Закаспийского кружка любителей

	археологии и истории. Асхабад.
РВ	Русский Вестник. М.
РТ	Русский Туркестан. Ташкент.
СВ	Советское Востоковедение. М.–Л.
СМССО	Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент.
Средазкомста	Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент.
рис	
СТ	Советская Тюркология. Баку.
СЭ	Советская этнография. М.
ТАН	Труды Академии наук.
ТАОИВМА	Труды антропологического общества при Императорской военно-медицинской академии. СПб.
ТВ	Туркестанские ведомости. Ташкент.
ТВОИАО	Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. СПб.
ТИИА	Труды института истории и археологии.
ТИИАЭ	Труды института истории, археологии и этнографии.
ТИЭ. НС	Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. М.–Л.
ТОУАК	Труды Оренбургской учебной, архивной комиссии. Оренбург.
УЗ	Ученые записки.
УЗТРУ	Ученые записки Тартусского государственного Университета. Тарту.
ЦГА КазССР	Центральный государственный архив Казахской ССР. Алматы.
ЭО	Этнографическое обозрение. СПб.; М.

ВВЕДЕНИЕ

Темой диссертации является бытовой (народный) ислам у казахов, как в прошлом, так и в наши дни. Как известно, наряду с общеисламскими принципами, объединяющими весь мусульманский мир и отличающими ислам от других вероучений, существуют различные региональные формы этой религии.

Ислам в Казахстане, как и в других странах Центральной Азии, имеет свои отличительные черты, порожденные как спецификой ислама в целом, так и исключительно местными реалиями: этнической (народной) культурой, традиционными религиозными воззрениями, социальными и правовыми институтами.

В каждой стране, у каждого народа ислам обрел местные особенности. Эти особенности обусловлены специфическим историческим развитием отдельных народов, которое, в свою очередь, оказало влияние на развитие мусульманской религиозной мысли. Проникая в ту или иную этнокультурную среду, ислам, сталкиваясь с местными обычаями и традициями, подвергался их активному воздействию, что придавало ему характерные для данной среды черты. Как отмечал венгерский востоковед И. Гольдциэр: «Сам официальный ислам с самых первых этапов своего существования дал доказательства тому, что его дальнейшее существование связано с переосмыслением и переработкой существующих до него языческих религиозных элементов»[1, с. 62].

Несмотря на то, что ислам на протяжении всей своей истории стремится вытеснить элементы доисламских мировоззренческих традиций и обрядности, у многих народов он на протяжении веков сосуществует с разной степенью взаимодействия с местными воззрениями и культурами. Наряду с идеями и нормами ислама, у многих народов до сих пор сохраняется широкий круг представлений и обычаев, восходящих к местным архаичным воззрениям, которые подверглись влиянию ислама и в обыденном сознании нередко воспринимаются как не противоречащие исламу народные традиции. В реальной жизни они проявляются как элементы бытового или народного ислама. Формы и проявления бытового ислама разнообразны. Не случайно в научной литературе широко используется термин «бытовой» или «народный ислам» («folk Islam»), под которым исследователи имеют в виду те реальные формы, в которых ислам существует в повседневной жизни того или иного народа.

Многие обычаи и представления в результате взаимодействия ислама и традиционных верований со временем получают новое осмысление, в котором первоначальное содержание в обыденном сознании нередко приобретает иное значение. В этом отношении показательна роль суфизма, мистического течения в исламе, который получил широкое распространение у принявших ислам народов. По существу суфизм приспособил «нормативный» ислам к местным условиям. Он стал важным элементом бытового ислама, поскольку оказался способным придать новую исламизированную форму традиционным представлениям и нравственным установкам; в частности, суфизм придал

мусульманскую трактовку культу святых, который противоречит исламскому догмату единобожия. С ним связано возникновение определенных групп неофициального духовенства (*ходжей, ишанов* и др.).

Мусульманский культ святых, занимающий важное место в религиозной жизни многих народов, в том числе у казахов, является одной из наиболее характерных черт бытового ислама. Культ святых в Центральной Азии, несмотря на отрицательное отношение к нему официальной теологии и *сунны*, по существу являлся реальной, конкретной формой, в которой проявлялось религиозное сознание народа [2, с. 68]. Жизнестойкость традиции почитания святых объясняется тем, что она сложилась под влиянием архаичных идей, хранивших представления о многочисленных божествах, которые в исламе приобрели новое толкование в соответствии с духом новой религии. Не случайно среди местного населения Южного Казахстана и в наши дни широко известно изречение: «Сайрамда бар сансыз бап, Түркістанда түмен бап», а каждый житель Мангистауской области обязательно напомним, что в их крае находятся 362 святыни (әулие).

Ислам в Центральной Азии, в отличие от многих других регионов исламского мира, включает, например, такие обычаи, как празднование *маулида* – дня рождения пророка Мухаммада. Влиянию ислама подверглись традиционные доисламские народные праздники, например *Науруз* (каз. *Наурыз*), порожденные местной этнокультурной средой легенды и предания, обычаи и обряды, связанные с жизненным циклом человека (рождением, свадьбой, смертью), а также шаманство и многие другие архаичные представления, например, обряд вызывания дождя (*тасаттық*) и т.д.

Ислам в своих повседневных формах представляет собой систему религиозных канонов и ритуалов, а также определенный образ жизни, совокупность правил поведения и обычаев, которых придерживается большинство населения. В этой связи совершенно справедливо замечание, что «значительный слой общества, представители которого не признавали себя верующими мусульманами и в то же время неукоснительно совершали важнейшие мусульманские обряды и участвовали в их проведении, – это вообще особый, исключительный феномен советской, да отчасти и постсоветской действительности, заслуживающий специального внимания и анализа со стороны социальных психологов, этнографов, историков и исламоведов. Мы имели дело с очень своеобразным явлением длительного существования и функционирования бытовой и обрядовой культуры, можно сказать, мусульманской по форме, но утратившей свое религиозное содержание» [3, с. 220].

Понятия «исламское» и «народное» тесно переплелись в сознании некогда принявших ислам народов. Особенно это ярко проявилось в годы советского атеизма, когда население продолжало придерживаться исламских обычаев и обрядов, воспринимая их как народные, а не религиозные. Изоляция российских, а позднее советских мусульман от исламского мира в целом, политика ассимиляции («русификация» в царское время, «советизация» в советское время) мусульманских народов способствовала тому, что они

утрачивали связи с исламской культурой, что привело к формированию весьма специфического «советского» ислама.

Различные формы бытового ислама, его особенности у разных народов, представляют собой важнейшие аспекты большого идеологического явления, без которого непонятна жизнь народа, его культура, под влиянием которой формируются нравственные устои народа, система его ценностей, его национальное самосознание, исторические традиции. Насколько велика роль бытового или народного ислама, как фактора национального самосознания, свидетельствуют, например, программные правительственные документы Пакистана. В них, в частности, говорится: «...Именно народный ислам лег в основание независимого Пакистана, а не политический ислам мулл, который не имел культурных корней на этой территории» [4, с. 43].

Религиозное возрождение, начавшееся еще со времен «перестройки» сыграло значительную роль в жизни народов постсоветских республик. В последние годы влияние ислама в Казахстане, как и в других странах Центральной Азии, заметно возросло: наблюдается значительный рост сотрудничества Казахстана и стран исламского Востока в области религии. Спектр проявлений этого сотрудничества весьма широк: открытие мечетей, религиозных учебных заведений, проведение конференций при поддержке стран дальнего исламского зарубежья.

Становление Казахстана как открытого государства неизбежно повлекло за собой усиление пропаганды “нормативного” ислама, а также проникновение различных религиозных течений. Одним из них является *ваххабизм*, в учении которого, культ святых и суфизм полностью отвергаются как несовместимые с официальным учением ислама. Между тем, религиозная жизнь в Казахстане, как и в других центральноазиатских республиках, складывалась на протяжении веков в определенных историко-экономических и этнокультурных условиях, сформировавших местный «традиционный ислам», своеобразие которого определяет и известная религиозная терпимость казахов.

Возрождение ислама в Казахстане, как и в других республиках бывшего Советского Союза, представляется неизбежным процессом, свидетельствующим о демократизации общества и восстановлении его историко-культурных ценностей. В этой связи следует отметить, что ислам в Казахстане возрождается, прежде всего, как культура и нравственность, как система традиционных семейных ценностей, основанных на высокой морали.

Актуальность научных исследований в области бытового ислама, определяется тем, что религиозное мировоззрение в разных его проявлениях становится важным фактором общественной жизни, особенно в регионах так называемого традиционного распространения ислама. Об этом свидетельствуют Конференция мира и согласия, состоявшаяся в феврале 2003г. в Алматы, на которой была принята Декларация «К миру и согласию» и учрежден Форум мира и стабильности; но главным образом – беспрецедентный Съезд мировых и традиционно-национальных религий, состоявшийся 23 – 24 сентября 2003г. в Астане. Как отметил на этом съезде президент Н.А. Назарбаев: «Роль религиозных традиций, в основу которых положены

высочайшие образцы нравственности, в нашем бурно, порой хаотично, меняющемся мире невозможно переоценить». Президент подчеркнул, что недопустимо придание идеологической, политической окраски существующим культурно-цивилизационным и религиозным различиям. Целью этого съезда явилось формирование культуры межконфессионального диалога, разработка Хартии религиозной терпимости, создание Единого культурного центра религий в Астане, который способствовал бы продолжению диалога религий, культур, цивилизаций, проведение Форума религий на постоянной основе – института, который укрепил бы основы межрелигиозного диалога, придал бы системность конструктивным контактам между религиозными деятелями и верующими, способствовал бы снижению межрелигиозной напряженности в мире, пропагандировал духовность, миролюбие и терпимость [5, с. 7]. В результате работы этого съезда была принята Декларация, в которой подтверждается приверженность вечным ценностям, таким как толерантность, истина, справедливость и любовь. Все участники съезда «сошлись во мнении, что экстремизм, сепаратизм, терроризм и другие формы насилия во имя религии не имеют ничего общего с истинным пониманием религии и являются угрозой для человечества» [6, с. 8].

Степень изученности проблемы. Многие исследователи прекрасно видели и детально описали различные аспекты протонародного ислама, и в литературе к сегодняшнему дню накоплен огромный конкретный материал. Родоначальником концептуального осмысления этого явления можно считать И. Гольдциэра. О различии официального, теоретического ислама и его «народного живого оформления» он, в частности, писал: «Народная религия... должна быть строго отделена от систематического учения богословов» [1, с. 109]. Но после того как И. Гольдциэр отчетливо сформулировал принципиальное понимание этого явления, интерес к народному исламу приобрел теоретическую базу, что способствовало дальнейшему развитию конкретных исследований этой проблемы в мировом исламоведении. Эти исследования имеют важное значение для решения проблемы соотношения ислама единого и ислама регионального [7, с. 378].

Вопросы бытового ислама получили оригинальную разработку и в российской науке. Крупные исследования в области центральноазиатского религиоведения принадлежат С.П.Толстову [8; 9]. Наряду с целым рядом его работ, в которых освещаются и анализируются многие аспекты религий Центральной и Передней Азии, рассматривается взаимосвязь ислама с местными доисламскими традициями, необходимо назвать статью «Очерки первоначального ислама» [10]. Многие исследователи придавали большое значение существованию такого явления, как бытовой ислам. Так, Г.П. Снесарев обращал внимание на необходимость критического рассмотрения всего комплекса верований и обрядов со свойственными им локальными особенностями, составляющими «среднеазиатскую религию» и разделение ортодоксального ислама и доисламских реликтов, «мало с ним связанных, а порой бытующих самостоятельно» [11, с. 21]. Наиболее полная характеристика реликтов традиционной религиозной практики народов Средней Азии и

Казахстана – шаманства раскрывается в работе российского ученого-этнолога В.Н. Басилова. На обширном фактическом материале автор показывает реликтовую форму центральноазиатского шаманства в условиях господства ислама [12]. «Шаманство народов Средней Азии и Казахстана интересно не только как локальный вариант некогда широко распространенного историко-культурного явления, но, прежде всего как форма, представляющая собой позднюю стадию существования шаманства в условиях полного господства монотеистической религии. Это реликтовая форма шаманства, которая приобрела свой облик под воздействием мусульманской идеологии» [12, с. 5]. Большинство исследователей обращали внимание лишь на одну часть бытового ислама – воспринятые исламом доисламские традиции. Между тем бытовой ислам только к этому не сводится. Бытовой ислам – это религиозная жизнь во всем ее объеме. В этом плане интерес представляют работы О.А. Сухаревой [13] и Т. Дж. Баялиевой [14], не утратившие своего значения и в наши дни, в которых исследователи попытались показать простонародные формы ислама соответственно на узбекском и кыргызском материале с возможной полнотой.

Многие аспекты бытового ислама, взаимодействия и взаимовлияния ислама и народной культуры, разрабатываемые в последние годы, получили освещение в российском сборнике статей «Ислам и народная культура» [15]. Современные процессы в сфере бытового ислама (на примере узбеков, живущих в сельской местности), получили освещение в этнографическом исследовании А.Н. Сатвалдыева. Автор отмечает глубокое и прочное проникновение ислама в быт населения Ферганской долины и большое влияние мусульманского образования на традиционную культуру [16, с. 25]. Он подчеркивает, что после распада Советского Союза, в Узбекистане, как и в других республиках бывшего Советского Союза, где проживают мусульмане, наблюдается возрождение ислама [16, с. 3]. Попытка вскрыть социальные корни среднеазиатского исламизма в контексте «возрождения» ислама в постсоветских республиках была предпринята С. Абашиным [17]. Одной из значительных работ последних лет является исследование Б. Бабаджанова, посвященное “живым” проявлениям суфизма в Узбекистане в наши дни [18]. Следует отметить также его статью, посвященную проблемам легитимности громкого зикра – *джахра* – в контексте суфийских сочинений [19]. Особый интерес представляет исследование А.К. Муминова «Кокандская версия исламизации Туркестана», в основу которого легла уникальная рукопись, принадлежащая представителю рода ходжей Аккорган Туркестанского района Южно-Казахстанской области [20].

Ислам в Центральной Азии остается в центре внимания многих европейских и американских исследователей. История распространения ислама в Центральной Азии и доисламские религиозные традиции нашли отражение в глубоком исследовании американского востоковеда Девина Ди Уиса [21]. В одной из своих критических статей исследователь предлагает пересмотреть многие аспекты устоявшихся в научной литературе представлений о суфийских традициях *Йасавийя* и *Накибандийя* и их связей [22]. Суфийские институты в тюркоязычном мире в контексте общего обзора истории развития

мусульманского мистицизма с момента его появления до наших дней рассматриваются в работе А.Д. Кныш [23].

Проблемам суфизма в Центральной Азии посвящен целый ряд работ французского этнолога Тьерри Зарконе. Среди них необходимо выделить исследование, в котором рассматриваются различные аспекты суфизма в Восточном Туркестане, деятельность *Афак-ходжа* (Аппак ходжа), как суфийского политика [24]. Исследователь приводит и анализирует многочисленные свидетельства об обширной сфере влияния суфийского ордена *Накибандийа* в Центральной Азии [25]. Месту и роли ислама в республиках Центральной Азии посвящен ряд статей американского этнолога М. Назифа Шахрани. Предметом его исследования является антиисламская и проатеистическая политика советского государства и ее последствия для мусульман Центральной Азии [26, с. 279]. Он справедливо отмечает рост интереса у разных слоев населения к основам религиозного знания и ритуальной практики, которые для большинства людей оставались неизвестными на протяжении более семи десятилетий [26, с. 286]. Критические статьи Назифа Шахрани в основном базируются на полевых материалах, собранных среди узбекского населения.

Со II тыс. до н.э. и до XX века на территории Центральной Азии в силу ее эколого-географических и исторических особенностей, шел постоянный процесс экономического, культурного и политического взаимодействия разнообразных групп оседлого и кочевого населения, взаимное влияние и обогащение кочевнической и земледельческой культур [8, с. 275; 27, с. 5–6; 28, с. 276, 278, 280–281; 29, с. 8–9; 30, с. 92; 31, с. 386]. На территории Казахстана «этот процесс, происходивший в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств в разные хронологические этапы в неодинаковых масштабах и с неравномерной интенсивностью, продолжался непрерывно и в конечном счете способствовал сложению общности территории казахского народа» [с. 27, с. 5–6].

Ислам проникал на территорию Казахстана не только посредством военных действий, но и по каналам международных торговых путей, благодаря деятельности многочисленных миссионеров из арабских стран, а также стран Передней Азии.

В конце XIX в. Казахстан полностью находился в сфере влияния ислама. Но, вопреки усилиям мусульманских миссионеров, он оставался провинцией на карте центральноазиатского ислама, по сравнению с оазисами Центральной Азии. Отмечаемое многими авторами так называемое «двоеверие» у казахов, по существу, представляло собой синкретизм элементов ислама и доисламских традиций – реликтов анимистических представлений, магии, зоолатрии, тотемизма, почитания умерших предков, шаманства и других древних воззрений, которые и в конце XIX в. составляли весьма значительный пласт в религиозном мировоззрении казахов.

Ислам, как известно, распространялся в Казахстане неравномерно, и сила его влияния на традиционный образ жизни казахов была далеко не одинаковой в разных районах Казахстана. Если на юге Казахстана он утвердился еще в X в.,

то в северных его районах ислам окончательно укрепил свои позиции лишь в XIX в., чему способствовало отдаленность их от крупных исламских центров, а также соседство с обширным неисламским миром, в котором в значительной степени сохранились ранние формы религий. И в этом плане любая область или часть Казахстана заслуживает самого пристального изучения.

В частности интерес к южным районам Казахстана объясняется тем, что ислам у казахов Южного Казахстана до сих пор изучен слабо, хотя именно здесь он наиболее глубоко сросся с традиционным образом жизни казахов. Объясняется это следующими причинами: южноказахстанские районы находились вблизи крупных среднеазиатских мусульманских центров, и ислам оказал здесь большое влияние на быт и культуру казахов, по сравнению с другими регионами Казахстана; оседло-земледельческая и городская культура Южного Казахстана создавала благоприятные условия для проникновения и распространения ислама среди казахов; для этих районов характерен смешанный состав населения, наличие значительных групп узбеков и других народов, среди которых ислам давно и прочно завоевал свои позиции. Южноказахстанский регион – низовья и среднее течение Сырдарьи, предгорья Каратау и северо-запад Семиречья – с глубокой древности являлся районом зимовок многих скотоводческих племен, а позднее – большинства казахских родов и племен. Долина Сырдарьи была главным центром городской культуры древнего и средневекового Казахстана. Здесь находились Отрар, Сауран, Ясы, Сюткент, Узгент, Дженд, Жанкент и десятки других городов и поселений [31, с. 67–68; 27, с. 6]. Одним из наиболее крупных политических, экономических и религиозных центров казахского общества в XVI – XVIII вв. является г. Туркестан (Ясы), своей широкой известностью обязанный деятельности крупнейшего мусульманского мистика – *Ходжа Ахмада Ясави*. Здесь находились воздвигнутый ему при Тимуре мавзолей и другие культовые сооружения, привлекавшие многочисленных паломников со всех концов Казахстана и других стран Центральной Азии. До возвышения г. Туркестана крупным религиозным центром кочевого населения являлся Сайрам, о чем свидетельствуют находящиеся здесь многочисленные культовые сооружения.

Исторически сложившиеся культурно-хозяйственные связи казахов и туркмен, определили своеобразие религиозной жизни казахов некоторых районов Западного Казахстана. Распространение ислама в Западном Казахстане привнесло в этот регион заметное влияние «проалидских симпатий», которые были распространены среди части суфийского братства *Кубравийа*, центром которого, как известно, являлся Хорезм [32, с. 59]. В укреплении ислама в центральных, северо-восточных районах Казахстана важную роль сыграло татарское духовенство, деятельность которого активно поощряла царская администрация с целью поставить под свой контроль местное население. В конце XIX – начале XX веков наблюдалась интенсивная миграция переселенцев в Казахстан из внутренних губерний Российской империи [33, с. 567]. Процесс колонизации Казахстана оказал влияние на все сферы казахского общества, в том числе, и религиозную.

Описательный материал об особенностях религиозных верований у казахов собирался давно. Он нашел отражение в целом ряде работ этнографического характера, хотя многие из них писались не специалистами [34–56]. Обширный этнографический материал о казахах Южного Казахстана принадлежит известному исследователю-краеведу А.А. Диваеву. В его научном наследии значительное место занимают материалы о доисламских верованиях [57–78]. Из дореволюционных авторов необходимо отметить также И.А. Чеканинского [79], А-ова О. [80], И.А. Кастанье [81–85], в работах которых характеризуется, описывается казахское шаманство. Перу выдающегося казахского ученого Ч.Ч. Валиханова принадлежат работы, в которых содержатся ценные сведения о религиозных верованиях у казахов, преданиях и легендах казахов Южного Казахстана, а также материалы, связанные с центральноазиатским суфизмом [86–91].

В настоящее время существует довольно обширная литература, в которой в той или иной степени освещаются особенности ислама в Казахстане. В ней нашли отражение проблемы истории проникновения и распространения ислама в Казахстане, его роли в казахском обществе, описаны его некоторые специфические черты, связь с местными доисламскими воззрениями. Специально исследуются проявления религиозности в современных условиях, особенности религиозного мировоззрения, влияния ислама на национальные отношения, анализируются некоторые этнокультурные особенности в области семейно-брачных отношений. Исследователями разрабатываются многие вопросы, связанные с казахскими ходжами, их генеалогией и историей, этническим составом и территориальным расселением [см.: 92–110]. Значительный интерес представляет обширное исследование С.Е. Ажигали, посвященное мемориально-культовой архитектуре кочевников Арало-Каспия [105]. В наши дни издается немало публикаций духовно-просветительского характера [103].

В последние годы появилось немало работ культурологического, философского и политологического плана, связанных с исламом в Казахстане [111–115]. Работа С. Акатая несмотря на то, что носит культурологический характер, содержит значительный этнографический материал, позволивший автору полнее осветить различные аспекты традиционного мировоззрения казахов [111].

Широкий круг вопросов, связанных с исламом и доисламскими воззрениями у казахов, рассматривается в работах казахстанских этнографов Х.А. Аргынбаева [116], Дж. Х. Кармышевой [117], А. Т. Толеубаева [118].

Для всех этих работ характерным является то, что они не ставили своей целью представить общую картину религиозных воззрений у казахов, показать картину религиозной жизни во всем ее разнообразии. Несколько попыток такого рода все же предпринималось [102, 100, 101]. В частности, в книге К.Ш. Шулембаева «Маги, боги и действительность» [100] представлен сравнительно широкий материал по разным сферам религиозной жизни казахов. Автор попытался показать разнообразные синкретические религиозные формы, сложившиеся в результате взаимовлияния реликтов домусульманских

религиозных традиций и ислама, бытовавшие у казахов и в советский период. Эта тема получает развитие и в последующей его работе [101]. Одним из исследований последних лет является совместная работа казахстанского и российского этнологов – Дж. Х. Кармышевой и В.Н. Басилова, в которой нашли отражение особенности религиозной жизни казахов с начала проникновения и распространения ислама на территории Казахстана вплоть до 1917 г. [119]. Решение проблем бытования ислама в казахском обществе в советский период не входило в задачи авторов этого очерка. Попыткой показать наиболее полное проявления бытового ислама в Южном Казахстане в дооктябрьский период, в советское время и в первые годы государственной независимости Казахстана явилась монография автора [120]. В последние годы появились исследования, посвященные многим частным вопросам бытового ислама. К ним относится сборник статей казахстанских этнологов «Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем», посвященный хозяйственной и семейной обрядности казахов. Книга приобретает особую значимость поскольку характеризуется широким диапазоном и глубиной исследуемых проблем [121]. Большое место в сборнике занимают исследования, связанные с проявлениями ислама и реликтов доисламских традиций в семейном быту у казахов в различных регионах республики. Наряду с другими статьями сборника интерес представляет статья С.Е. Ажигали, в которой анализируются различные проявления бытового ислама у казахов Жетысу (Семиречья) в ближайшей ретроспективе [122].

В последнее время наблюдается повышенный интерес к религиозному мировоззрению народов Центральной Азии, в том числе казахов, и как следствие, появление многочисленных публикаций, связанных с этой темой. Однако основным их содержанием является не конкретное всестороннее исследование реального ислама, сколько интерпретация с политических и социологических точек зрения уже известных фактов, получивших ранее освещение в литературе. Односторонний подход в некоторых работах не дает адекватную действительности картину религиозной жизни казахов, степень их религиозности, динамику количественных и качественных изменений в религиозной сфере, по сравнению с прошлым. Между тем, спектр проявлений бытового ислама настолько широк и разнообразен, что охватить и показать его с достаточной глубиной в кратких очерках и статьях представляется невозможным, особенно, принимая во внимание те значительные изменения, которые происходят в религиозной сфере нашей страны в последние годы.

Цель и задачи исследования. В диссертации поставлена цель на основе новых этнографических материалов соискателя, представить, по возможности, целостную картину религиозной жизни казахов, всестороннюю характеристику ее реальных форм бытования, как в прошлом, так и в наши дни, а также анализ сложных процессов, происходящих в религиозной сфере нашего общества в условиях становления открытого демократического государства.

Изучение данной проблемы предполагает постановку и решение ряда конкретных задач:

– обобщить обширный фактический материал, полученный автором в ходе полевых этнографических исследований, архивные и литературные сведения;

- дать анализ реальных форм ислама, как в прошлом так и в наши дни;
- представить их с учетом основных сфер их проявления и разнообразия общественных функций;
- выявить знание населением официального вероучения и выполнения практических предписаний религии,
- исследовать специфику суфизма, его роль и значение в религиозной жизни казахов,
- охарактеризовать культ святых у казахов, как наиболее выразительную черту бытового ислама,
- показать действительную роль представлений, обрядов и обычаев, восходящих к местным доисламским традициям,
- рассмотреть соотношение зарубежных течений ислама и ислама традиционного на территории Казахстана.

В соответствии с этими задачами и определена структура диссертации.

В I разделе рассматривается история распространения ислама на территории Казахстана; формы бытования ислама в семейном быту казахов в 19 в.; ислам в Казахстане в советский период; место и роль ислама в жизни казахов в настоящий период; деятельность исламских организаций и духовенства в Казахстане как в прошлом, так и в наши дни;

во 2 разделе – суфизм и специфика форм его бытования в Казахстане (ишанизм и дервишизм);

в 3 разделе – культ святых у казахов: характеристика различных категорий святынь и обряды их почитания;

в 4 разделе – реликты доисламских представлений у казахов: реликты представлений и обрядности, связанные с сельскохозяйственной деятельностью; реликты демонологии, шаманства и некоторых синкретических религиозных форм, целительства;

в 5 разделе – реликты доисламских традиций в семейно-бытовой обрядности: обряд «возлияния масла в огонь» («отқа май құю»), обряды детского цикла и некоторые другие семейно-бытовые обряды и обычаи, связанные с доисламскими воззрениями.

Для решения поставленных задач соискатель, наряду с этнографическими и литературными материалами, привлекла археологические, архивные сведения и данные письменных источников. Соискателем обобщен и введен в научный оборот новый обширный этнографический материал о реальных формах бытования ислама среди казахов, как в прошлом, так и в наши дни; деятельности религиозных организаций (мечетей, медресе, мектебов) и духовенства; суфизме; культе святых (как наиболее характерным проявлении бытового ислама у казахов) и реликтах доисламских традиций у казахов. Уникальными представляются сведения автора о действующей суфийской мечети в Казахстане, материалы о культе святых-родоначальниках (*Баянбай-ата, Ырғызбай-ата*). В настоящей работе впервые обращается внимание на ошибочность применения определения «мечеть» в отношении усыпальниц, например, мавзолеев *Арыстан-баб* и *Ходжа Ахмада Ясави* и др. В диссертации используются новые подходы для осмысления и интерпретации, как известных

фактов и явлений, так и уникальных этнографических сведений, полученных ее в ходе полевых исследований, например, материалов, связанных с семейной обрядностью, в частности, обрядом сохранения благополучия в семье (ритуального вкушения баурсаков), запретом на приготовление пищи в доме покойного в течение трех дней, обрядов посмертного искупления грехов («ысқат»), ритуального возжигания свечей, кормления духов предков и святых, обряда «құдайы» (жертвоприношение богу), в котором жертвенное животное предстает символом мира, его распада и творения и др. Впервые предпринята попытка осмысления значения процесса приготовления новогоднего ритуального блюда – *наурыз-коже* (идея собирания), шаманских целительных обрядов и обрядов детского цикла (идея перераживания), а также широкого круга представлений и обрядов, связанных с собакой и другие. В работе приводятся уникальные этнографические материалы автора об использовании казахами черепа коня в обряде вызывания дождя (*тасаттық*) и многие другие оригинальные материалы, раскрывающие содержание разнообразных форм бытового ислама у казахов.

Научная новизна, теоретическое и практическое значение исследования. В диссертации впервые дается всесторонняя характеристика бытового ислама, как в прошлом, так и в наши дни в контексте возрождения ислама в Казахстане и становления открытого демократического общества.

Новые этнографические материалы соискателя позволяют расширить представления о характере бытового ислама у казахов в прошлом и, главным образом, о его современных формах проявления в условиях динамично меняющейся жизни в нашем обществе.

Попытка дать характеристику современного ислама в Казахстане предпринимается впервые, что подчеркивает актуальность диссертационной работы. Решение проблемы соотношения ислама единого и ислама регионального имеет важное научно-практическое и методологическое значение, как в плане подхода к изучению религиозной системы ислама, так и в плане применения полученных результатов к изучению конкретных форм его бытования. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его результаты для анализа нынешней религиозной ситуации в Казахстане и прогнозов, указывающих на вероятное ее развитие в ближайшие годы

Хронологические рамки диссертации охватывают XIX–XX вв. и первые годы текущего столетия. Они определены тем, что дают более чем столетний период для изучения процесса развития общественного сознания, включая и религиозную идеологию, в казахской среде. Этот период представляет интерес тем, что приходится на важные вехи в истории центральноазиатского региона: возникновение и распад СССР и обретение независимости бывшими республиками Советского Союза. Масштаб произошедших в религиозной жизни изменений более ясно виден при сравнении различных исторических периодов, поэтому в диссертации воссоздается общая картина положения ислама в Казахстане, как в дореволюционный и в советский периоды, так и в постсоветское время. На выбор хронологических ограничений повлияло и

состояние источников – лишь к концу XIX в. становится значительным круг источников, содержащих сведения о религиозной жизни казахов.

Методологической основой диссертации является исторический подход к изучению общественного сознания в целом и религиозного сознания, в частности. Важным положением для понимания сути процессов, происходящих в сфере религиозной жизни, является всестороннее их рассмотрение с учетом разнообразных связей с другими сферами жизнедеятельности людей. Соискатель разделяет сложившееся в этнографической науке еще в XIX в. положение о важном значении исторической преемственности в сфере религиозной идеологии и практики. Методологической основой работы также послужили теоретические разработки таких ученых, как И. Гольдциэр, С.П. Толстов, О.А. Сухарева, Г.П. Снесарев, В.Н. Басилов, Л.А. Чвырь, С.М. Прозоров, К.Ш. Шулембаев, Х.А. Аргынбаев, Дж. Х. Кармышева, А.Т. Толеубаев и др. В ходе полевых исследований были применены методы традиционного опроса информаторов, активного включенного научного наблюдения за процессами в среде преимущественно сельского населения, а также городских казахов. В каждом разделе работы были использованы культурно-генетический, историко-сравнительный, сравнительно-сопоставительный, семиотический методы. В диссертации были использованы материалы смежных дисциплин: истории, археологии, источниковедения, семиотики.

Источниковая база исследования. В основу диссертации положен обширный фактический этнографический материал, собранный соискателем с 1982г. по 2006г. Этнографический материал, собранный автором с 1991г. по 2006г., вводится в научный оборот впервые. Источниками исследования являются также археологические, архивные и источниковедческие материалы, публикации описательного и научно-аналитического характера.

С 1991 г. по 2005 г. автор проводила этнографические исследования в пяти регионах Казахстана: Восточном, Западном, Центральном, Южном и Северном Казахстане.

Объектом изучения автора являлись деятельность мечетей, медресе, мектебов, мусульманского духовенства; формы бытования народного (бытового) ислама в жизни казахов в разных регионах страны, как в прошлом, так и в наши дни.

Соискателем было обследовано население городов Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Актау, Жанаозен, Астана, Караганда, Каркаралинск, Сергеевка (Сергеевский р-н Северо-Казахстанской обл.), Павлодар, Кокшетау, Туркестан, Шымкент, Тараз, Алматы. Значительное внимание было уделено исследованиям в сельской местности, в селах: Жангызтобе, Георгиевка (Жарминского р-на Восточно-Казахстанской обл.), Жетыбай, Курык (Каракиянского р-на Мангистауской обл.), Шаулдер, Абай, Баба-Корган, Тимур (Отрарского р-на Южно-Казахстанской обл.), Шаян (Байдибекского р-на Южно-Казахстанской обл.), Сауран (Туркестанского р-на Южно-Казахстанской обл.), Шобанак (г. Туркестан Южно-Казахстанской обл.), Мерке (Меркенского р-на Жамбылской обл.), Акмешит/Покровка, Мартыновка, Тайтобе,

Караоткел/Ильинка (Целиноградского р-на Акмолинской обл.), Коргалжын, Жантеке (Коргалжынского р-на Акмолинской обл.), Буркыт (Киргизия), Егындыбулак (Казыбекбийского р-на Карагандинской обл.), Ульяновка/Акжар, (Бухаржырауского р-на Карагандинской обл.), с. Баршино (Тенгизского р-на Карагандинской обл.), Берлик, Енбек, Булак, Жаргайын, Явлинка (Есилского р-на Северо-Казахстанской обл.), Аксу, Каратал, Жалтыр, Чапаево/Мерген, Ибраево, Жанасу (Сергеевского р-на Северо-Казахстанской обл.), Гаршино, Тендык, Жаркол (Целинного р-на Северо-Казахстанской обл.), Пресновка, Баянаул, Амангелды, Сабит, Жанажол, Улгы, Айтуар, Айымжан (Жамбылского р-на Северо-Казахстанской обл.), Игилик, Азаулы/Лосевка, Зеренды (Зерендинского р-на Акмолинской обл.), Сырымбет, Володаровка, Мадениет (Айыртауского р-на Северо-Казахстанской обл.) и др.

Соискателем были обследованы мечети и медресе в различных регионах Казахстана, в том числе суфийская мечеть *Хазрета Али* (Карагандинская обл.), а также мусульманские святыни: *Бекет-ата*, *Шопан-ата*, *Караман-ата*, *Камысбай-аулие*, *Есмамбет-аулие*, некрополь *Кошкар-ата* (Западно-Казахстанская обл.); *Ыргызбай-аулие*, *Баянбай-аулие* (Восточно-Казахстанской обл.), *Арыстан-баб* (*Арыслан-Баб*), *Ходжа Ахмад Ясави*, *Укаша-ата*, *Гаухар-ана*, *Домалак-ана*, *Байдибек-ата*, *Садвакас-ата*, *Шахан-ата* (Южно-Казахстанская обл.) и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. В XIX в. ислам прочно утвердился во всех регионах Казахстана, проникнув во все сферы общественной и семейной жизни казахов. Наряду с официальным исламом, в обыденной жизни казахов продолжали бытовать реликты доисламских религиозных воззрений и практики. Этот религиозный синкретизм, свойственный бытовому или, иначе народному, исламу, отражал реальную религиозную жизнь самых широких слоев казахского общества.

2. Колонизация Казахстана, как и других регионов Центральной Азии, постепенно меняла традиционный образ жизни и мировоззрение народа, способствуя развитию процесса секуляризации. Этот процесс получил ярко выраженную форму в период становления советского государства. Ислам и тесно связанные с ним доисламские культы, были вытеснены в сферу семьи и на протяжении всего советского периода продолжали жить в народном быту по установившейся традиции.

3. Процесс легализации религиозных традиций в Казахстане, как и в других республиках, наблюдался, еще в годы «перестройки». После распада СССР в Казахстане заметно возрос интерес к исламу, как носителю историко-культурных и духовных ценностей. Одним из завоеваний этого времени стало восстановление значительного места религии в духовной жизни общества, по крайней мере, определенной ее части, а также возрождение многих традиций в самых разных сферах культуры казахов.

4. С обретением независимости в Казахстане, как и в других странах постсоветского пространства, процесс легализации религиозных традиций стал проявляться в форме бурного «возрождения». Было создано Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), наблюдается неуклонный рост

числа мечетей, медресе и других религиозных учреждений, активизировалась международная деятельность религиозных организаций. В 90-х годах XX начинает складываться самостоятельная иерархия мусульманского духовенства с большим штатом управления и определенная система религиозного образования в Казахстане.

5. В Казахстане возрождается не столько мусульманская религиозность, сколько мусульманская культурная традиция, которая в сознании народа обычно ассоциируется с национальной традицией. Для большинства населения нашей страны исполнение мусульманских обрядов – это, прежде всего, проявление этнической идентичности. В наши дни, в отличие от прошлых лет, верующих старшего возраста, следующих исламским предписаниям, сравнительно немного. Значительную часть верующих составляют молодые и среднего возраста люди. Молодое поколение верующих отличается религиозной образованностью. Можно утверждать, что в наши дни лишь часть казахского населения выполняет предписания ислама в полном объеме. В то же время наблюдается рост числа казахов соблюдающих предписания ислама «частично».

6. Повсеместно среди казахов бытуют обряды семейного цикла: мусульманский поминально-погребальный ритуал, обряд ритуального обрезания (*сундет*), свадебный обряд («*неке қияр*») и др.

7. Бытование суфизма в Казахстане свидетельствуют о его неразрывной связи с исторической, этно-культурной и социально-политической реальностью региона. Возрождение, а точнее легализация суфизма в Казахстане, наблюдаемая в последние годы, свидетельствуют о его значительной роли в религиозной жизни определенной части верующих и, в какой-то мере, является ответной реакцией на внедрение в Казахстане «чистого ислама» зарубежными проповедниками. Этими же факторами можно объяснить и возрождение идеи тенгрианства у казахов.

8. В наши дни культ святых, как одна из самых выразительных черт бытового ислама у казахов достиг пика своей популярности среди самых широких слоев казахского населения. Представители официального духовенства активно используют культ святых для борьбы с реликтами доисламских воззрений и утверждению «истинного ислама» в сознании паломников.

9. Как и в прошлом, в наши дни наряду с представителями официального у казахов широкой известностью пользуются представители так называемого неофициального духовенства – *ходжи (қожса)*, *ишаны*, *шейхи* или *шырақшы* (смотрители мусульманских святынь), а также дервиши (*дуана*), *дуахоны*, занимающиеся «отчитыванием» больных по особым книгам, *знахари (тәуір, емші, сынықшы)*, прорицатели (*құмалақшы, балгер/балшы, жауырыншы, ырымшы*) и др.

10. Наряду с исламскими воззрениями и обрядами, в религиозной жизни казахов сохранились реликты ранних форм религии: анимистических представлений, демонологии, шаманства, магии, зоолатрии, тотемизма,

почитания умерших предков, огня и домашнего очага, культа плодородия, и других древних мировоззренческих традиций.

11. Проведенное соискателем исследование показало устойчивость и органическую связь семейной обрядности со всем комплексом народной бытовой культуры. Несмотря на просветительскую деятельность официальной мечети, практически повсеместное распространение в Казахстане имеют обряды семейного цикла, связанные с доисламскими воззрениями. Значительную роль в жизни казахов играют древние обычаи, связанные с хозяйственной деятельностью. Широкое распространение в наши дни получило исламизированное знахарство. Весьма редкими у казахов стали такие реликтовые религиозные формы, как исламизированное шаманство.

12. Сотрудничество Казахстана со странами исламского мира в разных сферах неизбежно влечет и усиление их влияния в сфере религии, которое сопровождается стремлением очистить ислам от чужеродных элементов, в частности это относится к ваххабизму, который отрицает суфизм и культ святых. Между тем нельзя все сводить к влиянию ваххабизма, как к этому склонны многие средства массовой информации. Стремление вытеснить элементы и реликты чуждых исламу религий было характерно для ислама на протяжении всей его истории. В современных условиях наиболее эффективным идеологическим аргументом против идей радикального ислама, проповедников «чистоты» ислама может стать распространение научных знаний об исламе и разных формах его бытования. Ислам в Казахстане возрождается, прежде всего, как неотъемлемая часть гуманитарной культуры, которая характеризуется региональной и этнической спецификой, национальной самобытностью, нравственностью и религиозной толерантностью. Знание этнографических материалов, характеризующих современный ислам, облегчит анализ происходящих в обществе процессов и поможет предугадать религиозную ситуацию в ближайшем будущем.

Настоящая диссертация является **инициативным исследованием** и связана с общегосударственной программой « Культурное наследие ».

Апробация основных положений диссертации. Работа была обсуждена на заседании отдела этнологии и антропологии ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК и рекомендована к защите. Положения диссертации были апробированы в лекции, прочитанной в департаменте Евразийских исследований Индианского государственного университета (IU) (Блумингтон, США, 1999г.); в выступлении на семинаре Института гуманитарных исследований (Париж, Франция, 2000г.). Отдельные положения и выводы диссертации апробированы в выступлениях на научных, научно-практических и научно-теоретических международных конференциях и симпозиумах: «Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований» (Алма-Ата, 1990); «Научные чтения памяти В.П. Юдина» (Алматы, 1993); «Научные чтения памяти В.П. Юдина» (Алматы, 1994); «Выживем вместе» (Washington, 1999); «Ислам и современность» (Алматы, 2001 г.); «На Шелковом пути» (UNESCO International Symposium on the Silk Roads) (Сиань, Китай, 2002 г.); «Центральная Азия: диалог цивилизаций в XXI в.» (Алматы, 2003 г.);

«Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы» (Алматы, 2003г.); «Историческая наука постсоветской Центральной Азии: обретения и проблемы» (Алматы, 2005г.); «Арало-Каспийский регион в истории культуры Евразии» (Актобе, 2006г.). «Основные научные результаты изложены в 38 научных трудах, в том числе монографии, коллективном труде, статьях.

1 ИСЛАМ В КАЗАХСТАНЕ

1.1 Распространение ислама на территории Казахстана

Существует мнение, что первые попытки распространения ислама среди тюрков-кочевников предпринимались в VIII в. [123, с. 68]. Но целенаправленное, хорошо организованное распространение ислама у тюркских народов, в том числе и у предков казахов, стало проводиться в эпоху Караханидов – первой мусульманской династии в стране тюрков. Сведения письменных источников о принятии ислама тюрками освещены в ряде работ, прежде всего у В.В. Бартольда [23, с. 41–42, 46; 124, с. 33–35; 123, с. 67; 125, с. 233–234]. Принятие ислама родоначальником династии Саттуком Богра-ханом Абд ал-Керимом определялось, прежде всего, политическими причинами. Принимая ислам, страна тем самым приобщалась к огромной политико-экономической и культурной общности – «исламскому миру». Ислам, вытесняя разрозненные культы, постепенно проникал во все сферы общественной жизни Казахстана и, в конечном счете, стал здесь государственной религией [126, 1960, с. 81–82; 127, с. 184, 144].

Как уже отмечалось, ислам проникал в Казахстан по каналам международных торговых путей, благодаря деятельности многочисленных миссионеров из арабских стран, стран Передней и Центральной Азии. Известно, что на протяжении последних столетий основным центром распространения и поддержания исламской религии в кочевой тюркской степи было Среднеазиатское междуречье (особенно его города), оседлое население которого имело иранскую в своей основе культуру.

О распространении ислама в Казахстане свидетельствуют многочисленные археологические материалы, памятники архитектуры [128, с. 236; 129, с. 178–179]. Археологические раскопки памятников IX – начала XIII вв. свидетельствуют о формировании в рассматриваемый период на юге Казахстана городской мусульманской культуры. Влияние ислама нашло отражение во всех сферах материальной и духовной культуры городского населения.

Период X–XII вв. характеризуется подъемом городской жизни в Центральной Азии и на юге Казахстана [130, с. 161–162; 131, с. 181–185].

Рост городов сопровождался возведением оборонительных стен, административных зданий, дворцов правителей и местной знати, зданий исламского культа, торговыми строениями, мастерскими, караван-сараями, банями, жилыми домами.

Ал-Макдиси, упоминая города Южного Казахстана и Семиречья конца Xв., называет мечети в качестве обязательных построек городов [126, с. 80–83]. Известны были случаи превращения христианских церквей в мечети, в частности, в городах Таразе и Мирки [125, с. 282; 126, 80–82]. Мечеть и минарет «символизировали административную власть и религиозную преданность властей». О распространении новой религии подтверждает, например, одна из наиболее ранних мечетей, относящихся к так называемому «столпному» типу, раскопанная на городище Куйрыктобе. Мечеть, как

установили исследователи, действовала на протяжении X – начала XIII в. [132, с. 53]. Такие мечети строились на протяжении долгого времени. Ближайшими аналогами *куйрыктобинской мечети* являются: мечеть первой половины XII в., открытая на Сапол-шеле в Сурхандарьинской области, *Жума-мечеть* XVIII в. в Хиве и мечеть начала XX в. в Ургенче [133, с. 108–112].

К X–XI вв. относится постройка мечети в одном из крупнейших городов Семиречья – Баласагуне. [132, с. 37]. Сохранившийся минарет мечети возвышается на развалинах города до сих пор [132, с. 37]. Примерно к этому же времени относятся культовые постройки мусульманского зодчества на Нижней Сырдарье и в Таразе.

Одним из значительных городских сооружений конца XIV – начала XV в. является *соборная мечеть в Отраре* [134; 135]. Как полагают исследователи, возведение мечети связано с именем Тимура, по приказу которого были построены на территории Казахстана мавзолей *Ходжа Ахмада Ясави* в Туркестане и мавзолей *Арслан-баб* в Отрарском оазисе. *Отрарская соборная мечеть* относится к постройкам столпно-купольного типа, хорошо известного в средневековой архитектуре Средней Азии [136, 44; 133, 108–112]. Такой крупный архитектурный ансамбль, каким является комплекс в Отраре, в Казахстане был обнаружен впервые [135, с. 162].

Обычно цитадель (арк) позднесредневекового города Средней Азии включал в себя дворец правителя, куриныш-хана – зал для аудиенции и мечеть [135, с. 163].

Популярность мечети, а позднее мавзолея *Ходжа Ахмада Ясави* принесла широкую известность Туркестану. Город Ясы (Туркестан), считавшийся крупнейшим центром религиозной жизни всего Туркестана, становится центром паломничества не только верующих, но и купцов [137, с. 141].

Ислам распространялся, в первую очередь, в городской среде. Рядом с городами возникали мусульманские кладбища, появлялись мавзолеи, формировались культовые ансамбли. Раннемусульманское кладбище датированное IX–X вв., открыто в Отрарском оазисе близ городища Куйрыктобе [138].

В сфере влияния ислама, прежде всего, оказались кочевники Центральной Азии и Южного Казахстана, проживавшие вблизи городов, являвшихся центрами распространения ислама. Как показали раскопки, на территории шахристана городища Баба-ата (Созакского р-на Южно-Казахстанской обл.) возникают постройки из сырцового кирпича, рассчитанные на постоянное пребывание в них людей, оторванных окончательно от земледелия и скотоводства. Около шахристана возникает сеть рабадов. Поселение перерастает в город – центр ремесла и торговли, обслуживающий окружающую его сельскохозяйственную округу (как земледельцев, так и кочевников). Господствующей религией населения города становится ислам [139, с. 59]. Это подтверждает анализ материала могильника у городища Баба-ата в Жетысу (Семиречье), где под курганами, характерными для кочевников, имеются погребения с сырцовыми выкладками в подражание мусульманским надмогильным сооружениям типа *сагана* [139, с. 49–50]. «По своей форме они

напоминали мусульманские «сагана». Таких выкладок под насыпью было четыре» [139, с. 49]. Согласно исламскому обряду, инвентаря в погребениях не было [139, с. 49–50]. Эти захоронения представляют значительный интерес с точки зрения сочетания старого обряда погребения под курганной насыпью, характерного для кочевников, с новым исламским обрядом обряжения умершего и перекрытия могильной ямы сооружением типа «сагана», а также отсутствием погребального инвентаря, согласно запрещениям ислама [139, с. 50].

Как известно, погребальный обряд является устойчивым этнографическим признаком. Разные типы захоронений на территории Казахстана, вскрытые в одном могильнике, позволяют проследить процесс постепенной смены языческого обряда исламским. В ранних мусульманских погребениях кочевников Центральной Азии наряду с исламским погребальным обрядом, сохранялись черты древних культов. Известны могильники, на которых ранние мусульманские погребения соседствовали с захоронениями по языческому ритуалу (Пскент, Жартас) [140, с. 199–200].

В IX–XI вв. единичные подкурганные захоронения с сырцовыми оградками и выкладками появляются среди обычных языческих погребений в Северо-Восточном Казахстане [141, с. 51–53]. Под слоями нарушенной заливки в восточной части кургана находилась могильная яма, поверх которой из сырцового кирпича выложено нечто вроде *сагана*. Могила была в свое время нарушена грабителями, и от *сагана* сохранилась только сильно деформированная восточная часть, представляющая в настоящее время грудку кирпичей [141, с. 51]. Надмогильное сооружение из сырцового кирпича одного из погребений, вероятно, представляло собой *сагана*. В основной могильной яме, ориентированной с запада на восток, был захоронен по доисламскому обряду человек с конем и конским снаряжением. Два других погребения были, в соответствии с исламскими установлениями, без вещей [140, с. 200].

Погребения, сохранившие черты архаических воззрений и исламского погребального обряда, исследованы также в Центральном Казахстане [142, с. 60–63; 143, с. 250], в Семиречье [144, с. 153–158], и в Западном Казахстане [145, с. 205]. Так, например, в одном из погребений поздних кочевников Центрального Казахстана кроме скелета ничего не обнаружено. «Судя по ритуалу погребения, можно предполагать, что исследуемый памятник относится ко времени XIV–XV вв., так как в его ритуале можно усмотреть воздействие ислама, получившего широкое распространение в Казахстане в период XIII–XV вв. Как известно, ислам запрещал положение вместе с покойником его одежды, личных предметов и вооружения» [143, с. 250]. В небольшом кургане вблизи *кумбеца* Жубан-ана в Карагандинской области была выявлена овальная могила, в которой находился скелет мужчины, ориентированный головой на северо-запад, с лицом, повернутым на юго-запад (в направлении Мекки). «Никаких предметов, как и полагается, обнаружено не было. Лишь у левого бедра лежала половина большого кирпича от *гумбеца*, что легко объясняется тем, что сам мавзолей считается у казахов погребением мусульманского святого, и поэтому даже кирпичи от него должны обладать